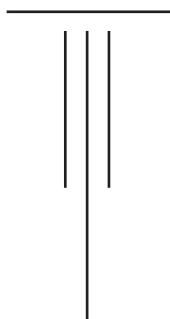


*Анатолий Журавлёв*

**СЛЕД  
ПОДКОВЫ  
НА ЕГИПЕТСКОМ  
КОВРЕ**



Издательский Дом ЯСК  
Москва 2023

УДК 82-3  
ББК 84(2)  
Ж 91

**Журавлёв А. Ф.**

Ж 91 След подковы на египетском ковре. — М.: Издательский  
Дом ЯСК, 2023. — 256 с.

ISBN 978-5-907498-49-5

В книге представлены художественные рассказы известного  
филолога, доктора филологических наук А. Ф. Журавлёва.

УДК 82-3  
ББК 84(2)

ISBN 978-5-907498-49-5



9 785907 498495 >

© А. Ф. Журавлёв, 2023  
© Издательский Дом ЯСК, 2023

## Содержание

Канареечка жабу родила .....	5
След подковы на египетском ковре .....	13
Мизантроп. <i>Повесть</i> .....	37
Наука и жизнь. <i>Бесконечно правдивые истории</i> .....	43
Несгибаемая воля .....	45
Жертва интриг, или Незарытый талант .....	54
Любовь к диалектологии .....	60
Девяткин переулочек, или Пропавшая грамота .....	63
Конец филантропии, или Возвращённая грамота .....	74
Эндшпиль .....	85
Звёздный час .....	93
Личное дело .....	101
Сюжет для малого жанра .....	125



## Канареечка жабу родила

«Вольдема-ар!»

В комнатах еле уловимо пахнет кухней: слегка пригорелым хлебом, яблочным уксусом, сальной тряпкой.

«Вольдема-ар!»

Голос как у павлина, в жесьть.

Однажды предводитель учредил у себя в палисаднике павлинов: петуха и курицу. Петух истерически надрывался, не показывая никаких примет человеколюбия. Но недолго. Ко второй зиме подошли оба — сначала супруг, потом, не перенеся вдовства, вдова. Только и памяти осталось, что в щербатом алебастровом пифосе три глазатых фиолетово-зелёных пера с расслоёнными во многих местах опахалами.

Давно, однако, не звали к предводителю.

В отдалённом прошлом Олинька была хорошенькой белокурой барышней, с круглыми губками, с полнотою чуть большей, чем ценилось знатоками на уездных балах. Когда в муках рожала дочек, пухлости немного убавила. Позже на-верстала, да как. Разнесло красавицу нестерпимо. Сейчас широка, неопрятна. Волосы стали из белокурых серыми. Чешет редко, бывает, весь день ходит в утреннем нечёсаная. Ногами шаркает, когда забывает. Вспомнит — старается ступать неслышно, мягко, но чаще шаркает.

А голос из воркующего по-голубиному, в который кутаться было впору, стал диким, на манер павлиньего, с протягом.

Щекою бородавка, да на переносье бородавка. Та, что на переносье, — плоская, белая. А на левой щеке, ближе к носу, — великовата и несколько впрозелень.

«Соловей, соловей, пташечка...»

Впрочем, и сам неплох. Пришлось запустить просторную бакенбарду, чтоб своя уже, близ уха, бородавка в зеркалах меньше замечалась.

Кой-как рассовали дочерей замуж, остались вдвоём. Олинке к пятидесяти, а самому Вольдемару довольно за полвека.

Многое помнится, но ещё больше забылось.

На заре младости прикасался Вольдемар к немецким наукам — в розовощёком Лейпциге, в туманном Гёттингене, в пыльном лифляндском Дерпте; философствовали, буршами непомалу жжёнку одобряли, даже буйствовали понарошку, чтоб филистерам и полиции досадить; наловчился Шиллером и Клопштоком бредить, вязать галстух якобы наспех и баловаться стишками. *Разлука, нимфы, сосуд нетленный, хладные взоры, криле, Харибда страсти...* Сейчас как подумаешь — поневоле вздрогнешь: *сосуд нетленный!* Что, господи, это такое?

Папилька, царство ему небесное, в поэзии проку не знал и соображал устремить по дипломатической части или, на худой конец, в таможенное ведомство, как повернётся; однако повернулось иначе.

Не дослушав дерптского курса, Вольдемар возвратился в уезд: как раз папилька-родитель, стоеросовая скотина, убыл в лучшие края, где нет времён; именице, хоть небольшое, нужно было с братом делить да задумываться на оставшемся об правильном устройении.

Хозяин из Вольдемара вышел никакой. Имение как было недоходным, так по сю пору ни в хвост ни в гриву. Только и хватает, что на прожитьё.

Крестьяне, сволочь псковская, бездельничают, воруют, лес рубят. Сад не родит. Пруды сколько лет уже не чищены.

«Соловей, соловей, пташечка,  
канареечка жабу родила».

Но и не без радостей, понятно. Девки в деревне, откровенно сказать, лакомы. Сперва Стеша — беленькая, потом Ульянка — почернее, теперь вот Матрёша — ласковая, росточком деликатная, титочки тугие. Любовной науке очень даже податлива, схватывает сразу.

«Вольдемар!»

Отыскала, курица.

«Вольдемар, почему вы не откликаетесь? Я уж как не час дозываюсь».

«Вздремнулось».

«Сестра приезжает».

Подумал.

«Когда?»

«Завтра обещала. Наверно, к обеду будет».

«Надолго ли?»

«Дня три погостит. С Трофимовной велела передать, та к внукам ездила. Прикажу тесто месить».

Жена, курица, ушла с шарканьем. Шаркающая курица. Хорошо, не заметила, что супруг уже в середине дня не совсем трезв.

Значит, быть завтра пирогам и вишнёвому варенью.

Свояченицу Вольдемар недолюбливал. Холодна, не в пример Олиньке умна, ростом в отличие от Олиньки дылдовата, не чересчур разговорчива. Вышла она за старика, овдовела рано. Детей не завели: то ли не успели, то ли, по сведениям знающей всё Трофимовны, *порча* на ней. Из Петербурга, как стало трудно по столичным гостиным раскатывать, вернулась назад, в родительскую усадьбу — по соседству, в этом же уезде. Живёт одна, с какою-то тощею тёткой. Хозяйство, как и здесь, ведётся через пень-колоду. Управитель у неё не то чтобы тоже бестолковый — скорее жулик. Да ей не надо: прибыточно мужнино, покойника полковника, имение, что в Орловской губернии. Вот там управитель проворный.

И рабовладелица довольна, и сам не вовсе внакладе. Женихи к ней, говорили, появлялись, сватали больше военные, но ни один не сподобился, всем отказала. А здесь живёт потому, что ей одиночество потребно. В столицу не ездит, изредка разве в Москву выбирается, к другим тёткам.

Полковник — покойник. Рифма. Нет: дурна, годится только для сатир, жанра низкого. Для какого-нибудь Беранже в курином русском переводе.

Свояченица тоже в литературу ударилась. Писательница. Плодовита. Мемуар о встречах и афоризмах при дворе. Агрономические записки. Теперь назидательные новеллы из жизни русских пейзажей.

К словесности Вольдемар, с его-то опытностью, не ревновал. Свояченицын мемуар однажды случился быть прочитанным: не без наблюдательности, но суждения довольно плоски, отдаёт книжностью и некоей обязательностью. Как будто где-то это уже писали. И хоть из персонажей мемуара Вольдемар никого, кроме двоих или троих, не видывал, все они были почему-то узнаваемы. Агрономический трактат обличал полное несмышление в экономике, местных почвах и населяющих ближние леса *щеглах* и *зябликах*. Соседи-помещики, которым посчастливилось ознакомиться, ржали аки жеребцы. Что же до назидательных повестей с пейзажами, то бог миловал, прикасаться не довелось. Можно вообразить.

...Похоже, что *порча*.

«Соловей, соловей...»

Голосистый соловей.

Свояченица отвечала тем же. За все годы, прожитые Вольдемаром и Олинькой вместе, её старшая сестра перемолвилась с ним от силы сотней слов. Звала только Владимиром Ивановичем. При Владимире Ивановиче молодые времена не поминались ни разу, будто заказ наложен. Похоже, лишь сносила, чтобы не возмущать разумеваемого сестрина благополучия.



Да, многое забыто.

Тысячу лет назад отшумели буршские проказы. Сгнули кто куда ранние друзья, а поздних и не бывало.

Стишки — все эти *Харибды*, *Хариты*, *томленья* и *внемленья* — выброшены из головы, только что на именины Олиньке что-нибудь и сочинится: *ангел мой, золотая роза, пью твой сладкий поцелуй...* — а в уме трепыхается-просится скоромное созвучие.

Не так давно, несколько лет тому, прошла по Европе волна беспокойств: отрёкся Луи-Филипп, по всем Германиям парламенты кипятились, пробуждались надежды. В прежнее время, покуда был в щенячем сословии, тоже восклицал бы: на баррикады! прочь тиранию! А применительно к отечественному ландшафту, с его оврагами и народным бессилием, может быть, и к упразднению рабства призвал бы, совместно с питерскими какими-нибудь литераторами.

Но сейчас не то. Возраст дело не шуточное. Дочки художбно пристроены; именно что худо и бедно, но всё же. Вишнёвое варенье за женою, а пироги — на Трофимовне. Кто такая? Раба. Ропщет? Да вот нет, не слышали. Сенька, младший Трофимовнин, иногда куролесит. Учили дурака, в комнаты допускаемого, вместе с дочками латыни и французскому наречию, потехи ради, вот и ляпает с морозу иной раз невесть что, благо что способнее девочек оказался: мол, *революсьон, эгалите, игнавиа эст яцере, дум поссис сургере*. Так ведь — по молодости, в сущности в шутку, тоже на потеху. Знает, что не выпорют. А если б всерьёз, то не избежать бы ему, холостому, настоящей воли — по рекрутскому набору, куда-нибудь ближе к турецкой границе или у киргиз в степи пыль месить. Понимает.

Нет, не нужно беспокойств и кипений. Неужто не настрелялись.

Вот сам. В дурной юности, почему и забылось, сразу по возвращении из Дерпта, приятеля застрелил на дуэли, хотя пистолета до того и в руки не трогал. Поссорились, а что за причины — теперь и припомнить невозможно. Над стишками,

что ли, глумился. Чтобы разборы замять, уездному предводителю пришлось вмешаться. Обошлось тихо.

Теперь даже имя приятеля в памяти затёрлось.

Как бишь его? Нет, не всплывает.

Мысль пришла: надо пойти указать Олиньке про закуски. Ведь не обо всём, курица, догадается. Про селёдку чтобы к завтрашнему не упустила. Похлопотать насчёт каспийской селёдки, кушать которую нас научил Карл Максимыч Бэр, дерптский академик. Мы ведь, неблагодарные, в учёных его заслугах астраханскую селёдку и не держим. Вот Матрёша, пташка ласковая, та — держит. Рыбочка моя.

Вольдемар встал из кресел, направился было к двери, да по дороге свернул на библиотеку, где штофчик берётся. Два глотка тут же возобновили своё примирительное действие. И пусть большого раздора с действительностью не назревало, глоток-другой не казались лишними. Скоро вечер. Не грех.

Снова вернулся в кресла.

Ужинать из кабинета уже не выходил. Трофимовна принесла в салфетках тёплую цыплячью ногу. От полстаканчика из штофа не отказалась. Только бы барыня не учуяла.

*«Раз поёт, два поёт, скорчилась,  
перьевьрнётся и поёт всё наоборот»...*

Спал Вольдемар допоздна, до белого дня, а проснулся от какого-то хлопанья дверьми, стукотни под лестницей, невнятных голосов.

Непорядком что-то в доме. Встать бы, да голова тяжела.

Угадал, чьи шаги. После дверного царапанья в створ просунулась Сенькина гладкая морда:

«Владимир Иваныч!»

Совсем распоясался, амикошон, подобающим обращением небрежёт. Эгалите с фратерните... Выпороть бы раба, да неохота волноваться. Голова нездорова после выпитого.

«Что за шум?»

«Барыня послали. Татьяна Дмитриевна приехали».

«Какая Татьяна Дмитриевна? Что там?»

«Да сестрица Ольги Дмитриевны, полковница».

Ах, досада, совсем из памяти вон. Надо скорее извиниться, хмельное последствие отогнать. Из халата выпростаться. Хоть и не любима свояченица, а неприлично в халате встретить.

«Скажи, сейчас буду. Сорочку только принеси. И умыться. Хватит полотенца мокрого».

На секунду задумался.

«...соловей, пташеч...»

Да! Вспомнил, как приятеля убитого звали: Онегин.

*Гурзуф, февраль 2010*



## След подковы на египетском ковре

Императора искали.

Не столько, разумелось, искали, сколько гадали о его местонахождении. Никто не посмел бы предпринять самостоятельные поиски и даже хотя бы намёком дать императору понять, что его ищут. Государь сам решал, кого посвящать в тайны своих перемещений. Собственное, частное незнание, внутренне несколько смутительное, каждый оправдывал соображением, что знает кто-то другой, но кто именно знал — и было главным незнанием, которое во внутреннем оправдании не нуждалось. Поэтому общее незнание, про которое никто не знал, что оно общее, серьёзных беспокойств не пробуждало.

Всякие суждения о месте нахождения императора, если и возникали, носили предположительный, а тем самым отчасти успокоительный характер. Арьергардные части не тревожились, будучи убеждены, что Наполеон впереди армии — там, где полагается быть полководцу, который только что расколотил Кутузова между селениями Бородиным и Шевардиным и велел победоносным войскам двигаться дальше на восток, к старой азиатской столице. В головных отрядах, напротив, справедливо находили, что сейчас, когда побитый и деморализованный одноглазый русский фельдмаршал отполз в сторону и нервно зализывает раны, его величеству нет надобности лично заниматься передвижением армии: с этим прекрасно управляются опытные командующие частями.

Бонапарт, не будучи специально расположен к рефлексии на грамматические сюжеты, тем не менее с изрядным остроумием как-то отметил, что применительно к восточной действительности присутствие или отсутствие отрицания в предложении никак не определяется наличным порядком вещей: высказывания «у Кутузова есть один глаз» и «у Кутузова нет одного глаза» вполне взаимозаменяемы. Мало кто мог догадываться, что к жёлчной апофтегме, обращённой против кривого скифского военачальника, Наполеона подтолкнул как будто несущественный, но крайне неприятный момент, имевший место во время битвы при Аустерлице. Сидя верхом, Наполеон через зрительную трубу наблюдал холм, на котором толпились императоры и высшие военные, управлявшие сражением с противной стороны. Александр и Франц делали значительные лица: обсуждался ход очередной переброски эскадронов и дивизий, при этом монархи чаще взирали на карту, чем на поле боя. Справа от русского венценосца, не принимая участия в высочайших прениях, стоял некто и неотрывно смотрел в свою зрительную трубу прямо на Наполеона — так, что лучи, проходящие через середины стёкол обоих оптических приборов, на краткий миг слились в единую воображаемую линию и усиленные многократными линзами взоры упёрлись один в другой. Это, без сомнения, был отодвинутый от прямого руководства баталией Кутузов. Вглядевшись пристальнее, Бонапарт вздрогнул, чего потом долго не мог себе простить: подзорная труба Кутузова была приставлена к чёрной атласной ленте, которая перекрывала пустую глазницу. Оскорбительная аустерлицкая выходка русского военачальника запала Наполеону в память надолго. Недружественное чувство к Кутузову не отпускало французского императора и в московский поход, хотя в позднейшей, уже после бородинского столкновения, переписке между двумя полководцами Наполеон уверял фельдмаршала в чувствованиях уважения и особенного почтения, питаемых к нему с давнего времени, и молил Бога о сохранении князя под Его священным кровом (однако умолчать здесь, что в ответном послании

фельдмаршал показал себя более или менее грубияном, значит вызвать заслуженный упрёк добросовестного историка).

Достоверно не было известно, кто в настоящую минуту, когда армия идёт на Москву, рядом с Бонапартом.

Не могли припомнить, когда последний раз видели дивизионного генерала Раппа, одного из дюжины генералов, по-сменно назначаемых дежурными адъютантами. Согласно завистливым сторонним расчислениям, долговязый Жан Рапп ходил в адъютантах любимцах.

Пропал из виду штабной картограф маршал Бертьё, кабинетный знаток московитских диких лесов, тощих пажитей, обширных болот, предосадных оврагов, малочисленных, но корявых русских дорог, — тот Бертьё, который двумя с половиной годами раньше на пару с эрцгерцогом Карлом заменил Наполеона в его бракосочетании с дочкой австрийского императора Марией-Луизой.

Из поля общего внимания исчез крутившийся возле Бонапарта вечный попрыгун префект двора дё Боссе. Накануне бородинской баталии он сюрпризом привёз из Парижа писанный Жераром портрет римского короля — смазливового курчавого дитяти, которое Мария-Луиза родила Наполеону практически незамедлительно. На полотне годовалый малютка аллегорически протыкал земную сферу палочкой для бильбоке; смысл аллегии был тёмн, но Бонапарт, более, чем brutальная солдатня генералы, искушённый в тонкостях символики, эмблематики и живописных метафор, нашёл портрет прелестным и, к восхищению вахтенных биографов, сделал вид задумчивой нежности. Портретом наследника сюрпризы неутомимого дё Боссе не ограничились. Ещё он прихватил из Парижа длинноволосого и прыщавого юношу, именуемого Луи Жаком Дагерром. Этому Дагерру принадлежит, как выяснилось, удивительное изобретение письма светом, эскизно названное дагерротипией и позволяющее надеяться на скорое упразднение ремесла живописцев. Академия сулила разысканиям прыщавого выдумщика славную будущность. Ласково пожурив академиков за преждевременное отпевание

изобразительных искусств, государь, которого неизменно привлекали технические новшества, к изобретению бойкого юноши отнёсся с благосклонностью и обещал, что тому, Даггеру, при московской кампании не придётся проводить время в праздности и не далее как завтра, после разбития русских полков французскими, он будет иметь удобный случай испытать свои светопишущие механизмы запечатлением лица победителя, в особенности если победа сослужит прекращению императорского насморка. Суетливый дё Боссе понял, что угождение его величеству удалось, и был несказанно счастлив.

Потеряли маршала Мюрата. Прошёл, однако, утешительный слух, что неаполитанский король сделался предателем — в какую-то минуту сражения он якобы дал овладеть собою боевой неуверенности и поторопился в плен к русским, — следственно, жив. Немного погодя маршал возобновлением своей персоны сам опроверг вздорные толки. Но они тут же сменились новыми, едва ли не более вздорными, по которым Мюрат из-за скверной полевой кухни, простирающей своё воздействие и на маршалов кавалерии, стал подвержен расстройству, с которыми принято справляться в одиночку и рассказывать в обществе о которых считается привилегией лишь полоумных старух.

Не было видно ближайших слуг императора (числом около трёх), недосчитывались походного шеф-повара корсиканца Лоренцо ди Кальви, лейб-лекаря барона Корвизара, призванного к изгнанию целительными пастильками внезапного бонапартова насморка, а также двух переводчиков с русского и обратно, Птиробера и Лелорнь д'Идевиля. С последним, правда, через три дня целиком разъяснилось: его неумышленно нашли в одной деревне — на сеновале, смертельно пьяного, в обнимку с тяжелогрудой русской крестьянкой, безобразно хохочущей и изрыгающей галльские словесные непристойности. В беседах с нею Лелорнь д'Идевиль, очевидно, пополнял познания в славянской идиоматике и делился собственной. Уже в трезвом состоянии, под арестом, свою амурную авантюру он трактовал как необходимую разведывательную операцию.